

Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации*

С.А. Храпов

В современном социогуманитарном дискурсе проблемы техногенной цивилизации являются одними из наиболее обсуждаемых и побуждают специалистов разных направлений от философов до психолингвистов искать ответы на вопросы о феномене техники, ее онтологическом статусе, влиянии новых технических средств на общество и человека. В статье речь пойдет о сознании и его «реакции» на техногенный мир человека. Сразу обозначим, что не преследуем здесь задачи обсуждать природу сознания, его феноменологический и онтологический статус, подходы к его интерпретации — отдельная тема, которой посвящена масса работ блестящих мыслителей, к ним мы обратимся по мере необходимости.

Основной вопрос, интересующий нас в данной статье — проблема определения соотношения, взаимодействия сознания человека и техногенной цивилизации, установление факторов и тенденций его кризисного состояния. Кризис сознания осмысливается в широком контексте социокультурных изменений с учетом новых модусов бытия человека, ценностных и идентификационных трансформаций. Автор опирается на многочисленные зарубежные и отечественные исследования в области философии и смежных дисциплин и приходит к ряду выводов о сущности кризисных явлений сознания, их техногенных факторах и тенденциях проявления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание, кризис сознания, техногенная цивилизация, техногенная социокультурная реальность, техногенный мир человека, технология, культура, общество, наука.

ХРАПОВ Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор Астраханского государственного университета.

khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31 марта 2018 г.

Цитирование: *Храпов С.А.* Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 85–95.

Техногенная социокультурная реальность и техногенный мир человека

Понятие «техногенная цивилизация», или «технократизм», появилось в 1921 г. Впервые данный термин применен социологом Т. Вебленом в книге «Инженеры и система цен», где отмечалась насущная необходимость усовершенствования жизни на земле посредством объединенных усилий инженеров всего мира. Начиная с 60-х гг. XX в., цивилизационное развитие обуславливается «революционными» преобразованиями, связанными с постепенным ростом значимости высоких технологий. С некоторыми последствиями технологизации культуры, общества, коммуникации, сознания уже столкнулись все развитые страны мира.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00095А «Человек техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования».

© Храпов С.А., 2019 г.

Проблемы информационного общества, влияния высоких технологий на социум, культуру и человека изучаются американскими учеными П. Дракером, М. Маклюэном, М. Кастельсом, Дж. Нейсбитом, Дж. Стиглицем и др. Проблемаами развития электронной культуры интересуются исследователи Миланского университета (А. Ронки и др.); Института МакЛюэна, Нидерланды (К. Вельтман и др.); изучением этических и антропологических проблем информационного пространства занимаются исследователи Международного центра по проблемам информационной этики (ICIE) г. Карлсруэ, Германия (Р. Капурро и др.); Лондонской школы экономики, факультета медиа и коммуникации (Великобритания) (Л. Хэддон и др.); Центра компьютерной и социальной ответственности (Монтфортский университет, Великобритания) (С. Роджерсон и др.); Центра изучения информационного общества университета г. Хайфы (Израиль) (Д.Р. Рабан) и т.д. Активно развивающимся научным направлением является изучение этических и правовых аспектов развития общества и человека в условиях информатизации и технологизации (Л. Рокки).

Из российских центров прежде всего следует выделить исследования Института философии РАН (В.С. Степина, В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, Б.Г. Юдина, Д.И. Дубровского, В.И. Аршинова, В.Г. Федотовой, В.В. Розина, И.Ю. Алексеевой и др.). Существенный вклад внесли такие российские философы, как Л.В. Баева, В.В. Савчук, Т.В. Ершова, И.В. Мелик-Гайказян и др.

Осмысление проблемы соотношения кризиса сознания и «роста» техногенного мира побуждает нас обратиться к методологическому аспекту. Сложность решения этой проблемы усугубляется не только многообразием подходов к природе сознания, но и тем, что зачастую сознание рассматривается изолировано от его экзистенциальных и культурных атрибутов. Мы полностью разделяем мнение И.Т. Касавина, который, размышляя о современных англо-американских подходах к феномену «сознание», справедливо замечает, что ментальные события, психика исследуется в основном без учета самого процесса познания, а также деятельности человека, культуры, общества, коммуникации и т.д. Возможной причиной может стать «неприятие, а может, и незнание целого крупного направления в философии, психологии, социологии и лингвистике – культурно-исторического подхода» [Касавин 2013, 60–61]. Разумеется, при подобной «изолированной интерпретации» невозможно размышлять о взаимосвязи сознания и ключевых трендов цивилизационного развития, а значит, и невозможно решить проблемы будущего человечества. Только признание методологической установки на онтологическую взаимосвязь когнитивного, социального и трансцендентного миров человека возможно глубинное понимание прошлого, настоящего и будущего. Важной проблемой, на наш взгляд, является вопрос о сути, механизмах взаимодействия человека, его сознания с техногенной цивилизацией, в решении которого неизбежным является анализ процессов технологизации социокультурной реальности, ибо именно она, фактически, выступает контентом этого взаимодействия [Kryuchkova, Kharov, Mironova, Turnova, Leonova 2017]. По справедливому замечанию Е.Г. Каменского, техника в современном мире лишается исторически сложившегося инструментального статуса, переходя в статус терминальной ценности технократического общества. В то же время развивается тенденция к переходу техники в статус инструментальной ценности, определяющей потребительский статус. Такие технократические тенденции стимулируют «...консьюмеристский тип социальной субъектности, а конвергентные технологии по причине их мощного инструментального потенциала могут существенно ускорить данный процесс и стабилизировать его экспоненциальный характер» [Аршинов, Буданов, Москалев и др. 2015, 153].

Необходимость исследования «природы» технологизации социокультурной реальности чрезвычайно обостряет актуальность социально-гуманитарных наук и особенно социальной эпистемологии. Отсюда возникают два важнейших вопроса, ответы на которые до сих пор пытаются найти ведущие философы, психологи, культурологи: 1) каким образом идеальная по своему феноменологическому статусу социокультурная реальность стала настолько опосредованной техногенной цивилизацией, что фактиче-

ски сама стала техногенной; 2) каким образом техногенная социокультурная реальность стала моделировать новый социально-антропологический тип «человек техногенный», вызвав при этом глубокий кризис сознания?

Поиск ответов на эти вопросы, несомненно, приводит нас к проблеме аксиологических оснований техногенной цивилизации, именно «сдвиг ценностей» позволил столь кардинально изменить жизненный мир человека, что дает возможность говорить о кризисе сознания и формировании человека техногенного как нового социально-антропологического типа. Разумеется, этот ценностный сдвиг проходил в контексте исторического перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от неклассической к постнеклассической рациональности. Именно поэтому он вообще стал возможным, поскольку, фактически, произошла деформация всей аксиологической матрицы цивилизации. В одной из своих работ мы уже обращали внимание на то, что значимость изучения феномена техногенного человека связана с двумя основополагающими культурно-онтологическими условиями: 1) аксиологической девальвацией классических образов человека и культуры, общества (техногенность в данном случае утверждается как парадигма социокультурной динамики, мировоззренческий принцип); 2) образы, параметры, ценности, проявленные в феноменах техногенной культуры, в явлениях и процессах техногенного общества (язык, сознание, адаптационные стратегии, идентичность) отражают факт возникновения и модусы бытия нового социально-антропологического типа — «техногенного человека» [Храпов 2014, 67].

Анализ техногенной социокультурной реальности показывает девальвацию классических ценностей и регулятивов жизнедеятельности человека, абсолютную универсализацию технофеноменов, приводящих к тотальной утилитаризации его бытия. На наш взгляд, следует указать, что кризисные явления, вызванные техногенной цивилизацией, проявляются как на индивидуальном, так и на социальном (социокультурном) уровнях сознания. Мы не будем акцентировать данную дифференциацию, просто подчеркнём, что нельзя сводить дискуссию о технологизации сознания только к одному его типу, как это, увы, часто бывает, например, при исследовании виртуализации сознания, когда в качестве аргументов приводят результаты социологических и психологических исследований геймеров без осмысления социокультурного и онтологического аспектов этой проблемы.

На уровне социокультурной реальности влияние техногенной цивилизации проявилось в первую очередь в деформации матрицы классических ценностей и аксиологизации техногенного, онтологизации техногенных ценностей (скорости, функциональности и др.), о чем мы уже писали выше. Известный социальный философ В.Г. Федотова справедливо отметила лабильность ценностной матрицы культуры при цивилизационных сдвигах. Культура в теории техногенной цивилизации понимается посредством набора внутренне динамичных базовых ценностей, что «...позволяет понять, что их значимость в различные периоды истории была не одинакова... Понятно, что различие цивилизаций при таком подходе есть различие в системе их ценностей» [Федотова, Колпаков, Федотова 2008, 171]. Соответственно, формирование новых «техногенных» ценностей и техноидеологии определило новый темпоритм динамики социокультурной реальности и ее «техногенный характер».

Стоит отметить чрезвычайно важный процесс в современной науке как части социокультурной сферы — возникновение технонауки, распространение принципов технической деятельности, инженерного мышления на все отрасли науки. Значимым фактом, о котором не следует забывать, является то, что технократизм — не только цивилизация (т.е. уклад общества), но еще и идеология. Именно симбиоз идеологии техноцентризма и технонауки стал социокультурным основанием аксиологизации и онтологизации техногенного формирования мира человека, обусловившим кризис его сознания. О роли технонауки в формировании техногенной цивилизации очень точно высказался Б.Г. Юдин: «В результате мы не только становимся все более восприимчивыми в отношении тех или иных технологий, но, если так можно выразиться, проникаемся технологическим мировосприятием» [Юдин 2012, 54]. Юдин отмечает тот факт, что любая серьезная проблема начинает мыслиться как технологическая. В первую

очередь она расчленяется по задаваемым технологией канонам, затем ищутся возможности ее технологического решения. «Сегодня есть все основания говорить о качественно новом этапе развития не только науки и техники, но и их взаимодействия с обществом» [Там же].

Конвергенция нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий сформировала новую парадигму научно-технического развития, в свою очередь во многом определившую новую ценностную матрицу техногенной цивилизации. Это приводит к все более плотному «обволакиванию» человека, связанному с погружением его в обстраиваемый и проектируемый мир, созданный наукой и технологиями. Соответственно, специфика современной эпохи определяется ситуацией неконтролируемого технологического роста. Безусловно, такая историческая уникальность требует пристального изучения по причине того, что ее проявления уже вызывают значительные мировоззренческие, социальные, физиологические, ценностные деформации.

Человек техногенной эпохи отпущен на свободу в религиозно-этическом и социально-политическом аспектах, но стал чрезвычайно зависим в техногенной и экономической сферах. Стремления техногенного человека основаны на получении чувственных удовольствий, прибыли и потребления, которые никогда не могут быть удовлетворены в полной мере. Это не может привести к чувству эвдемонии, к возможности ощущать себя гармоничным, добившимся цели, ибо цели постоянно возникают новые, они фактически недостижимы. Это приводит к потере личностью своих важнейших оснований: вместе с ценностями социума, Бога, Другого исчезла ценность человека для мира, и в то же время в погоне за благами личность утратила чувство глубокой укорененности в мире. Утрата этой онтологической определенности нашла отражение и в смене типа коммуникации, когда средство и стиль коммуникации стали определяющими, а субъект — определенным коммуникационным контекстом.

Наряду со многими парадоксами техногенной цивилизации следует отметить и такое удивительное явление, как иррационализация культуры и человека, которая, казалось бы, невозможна в «век высоких технологий». Постоянное обращение массовой культуры высокотехнологичного общества к эмоциональной и бессознательной сферам человека, повышение порога чувствительности иррационализирует когнитивную структуру человека (например, технологии формата 3D). У современного человека постоянно доминирует потребность в новых, более ярких впечатлениях и эмоциональных состояниях, а одномерность повседневности ее усиливает. Индустрия массовой культуры легко выполняет данный «культурный заказ», играя на чувствах страха, сиюминутной радости и т.п. «Массовая культура постоянно стремится привлечь внимание человека на себя, вырвать его из привычного образа жизни, тем более “оградить” от тягот рациональной рефлексии. Примеров тому масса. Вспомним, когда серьезный фильм или интеллектуальная телепередача (транслируемые, как правило, очень поздно, так как массовый зритель их “однозначно” смотреть не будет) прерывается рекламой, наполненной абсурдной радостью. Ясно, что это нарушает мыслительный процесс, целостность дискурса и имманентную феноменальность восприятия» [Храпов 2012, 186].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что новый тип цивилизации, ее техногенный характер сформировал особую техногенную социокультурную реальность, без которой было бы невозможно преодоление границ и трансформация модусов бытия человека.

Кризисная динамика сознания в условиях техногенной цивилизации

Размышляя о факторах, тенденциях и последствиях кризиса сознания, мы полагаем возможным их условно разделить на два основных аспекта. Первый аспект связан с возможностью и перспективами создания искусственного сознания, интеллекта, мышления и т.п. Во втором же аспекте рассматриваются вопросы технологизации функций и содержания сознания как биопсихоэкзистенциального феномена, каким оно пока еще является.

В решении вопроса о создании техногенного сознания снова обостряются противоречия между различными подходами к его феноменологическому и онтологическому статусу. Так, Д. Деннет исходит из того, что вопрос о возможностях моделирования сознательной деятельности посредством технических средств бессмыслен по причине фактического отсутствия подобных ментальных состояний у самого человека. Соответственно, любая высокоинтеллектуальная деятельность может осуществляться без её осознания, ибо в сознании нет ни метафизической, ни логической, ни лингвистической, ни эмпирической необходимости [Dennett 2005].

На наш взгляд, в данном подходе чрезвычайно упрощенно понимается сущность интеллектуальной деятельности человека. Причем, даже если временно выйти за рамки принципиальных мировоззренческих парадигм «материалистов» и «идеалистов» и подойти к проблеме формально-логически, то становится очевидным, что в системе аргументации представителей жесткой позиции есть ряд упущений, позволяющих сомневаться в ее истинности. Упущения связаны не только с феноменологической редукцией, но и с когнитивной, а это, в свою очередь, предполагает принципиальное нарушение логических норм технического моделирования, ибо моделирование как воспроизведение (репрезентация) исходного образца базируется на создании идентичной копии, в отличие от предлагаемого Деннетом и его сторонниками фактически редукционистского метода – упрощения исходного образца до критериев желаемой копии.

В этом смысле абсолютно верной является позиция Дж. Серла по проблеме искусственного интеллекта: никакие технологические интенсификации не способны довести искусственный разум до уровня человеческого сознания из-за невозможности преодолеть фундаментальный разрыв между первичной и производной интенциональностями. В то же время Серл уверен в том, что искусственно созданный интеллект не приспособлен к мыслительному процессу. Содержательное наполнение символических структур осуществляет только человек, подкрепляя этот процесс подлинными элементами разумной жизни [Searle 1988].

Д.И. Дубровский отмечает неадекватность аналогии между компьютером и человеческим мозгом. Субъективная реальность человека, его сознание – не просто эпифеномен процессов мышления, а выражение особого уникального уровня и способа производства, переработки и использования информации в самоорганизующейся системе. В результате субъективная реальность оказывается неуловимой для привычных функционалистских методов, опирающихся на описание внешних действий системы, ее реакций [Дубровский 2003]. Процессы технологизации распространяются не на создание техногенного сознания как принципиально нового типа его существования, а на изменения в содержании и структурно-функциональной деятельности, имеющие смысловую и причинно-следственную соотнесенность как с самим феноменом техники, так и технофеноменами, которыми наполнена современная социокультурная реальность.

Что касается кризиса индивидуального сознания (разумеется, в объективированном выражении), то следует опять подчеркнуть его неразрывную взаимосвязь с социокультурной реальностью, о которой часто сегодня забывают. Максимальная абстрактность и объективация современного научного познания привела к тому, что человек и его сознание часто интерпретируются функционально по отношению к цивилизационному процессу, к социокультурной реальности, что в корне неверно. Очевидно, что без изменений установок сознания сначала представителей экономических, политических и научных элит, а немного позднее и сознания обывателей, возникновение техногенной цивилизации было бы невозможным. Б.Г. Юдин верно отмечает особенность современного человека – искателя, активного агента, готового производить эксперименты на самом себе, идущего на риски, зачастую связанные с применением новейших технологий. Однако пока эти риски невелики, так как улучшение человека современными технологиями делает только первые шаги. Но если опираться на концепцию социотехнических мнимостей, разные формы «Homo enhanced» уже поселяются в нашем сознании, они уже влияют на наше восприятие и сегодняшних, и будущих реалий, воздействуя, таким образом, и на то, какими мы видим самих себя и свое будущее» [Юдин 2016⁶, 58].

Переходя к описанию конкретных кризисных явлений индивидуального сознания, стоит отметить деструктивный процесс снижения его критических и аналитических функций. Потребительский характер техногенной цивилизации, экстраполяция механизмов экономической оценки на интеллектуальную, творческую деятельность, безграничный доступ к информации привели к тому, что когнитивная деятельность стала восприниматься утилитарно. Познающий субъект «потерялся» в пространстве техногенной цивилизации, где утратил мотивацию к самостоятельной мыслительной деятельности. Наряду с проблемами в рационально-аналитической сфере сознание современного человека страдает от техногенного вмешательства и в сферу эмоционально-волевою. Когнитивная система современного человека и сознание как ее интегральный феномен вынужденно «адаптируются» к техногенным модусам бытия человека, общества и культуры. Эта «адаптация» часто преподносится идеологами техногенной цивилизации как «улучшение», создание нового антропологического типа, освобожденного от тягот бытия классического человека. Но в то же время возникает вопрос об истинной ценности и последствиях подобных «улучшений». Б.Г. Юдин высказал справедливые сомнения по поводу трансгуманистического «улучшения» человека. Такое улучшение предполагает вхождение в состояние пост-, транс-, сверхчеловека, т.е. «выходом за пределы типа, когда какие-то свойства “улучшенного” индивида будут столь совершенными, что мы утратим возможность считать его человеком» [Юдин 2016^a, 26].

Подводя итоги, считаем возможным отметить следующие факторы кризиса сознания в техногенную эпоху: 1) долгое отсутствие принципа «человекоразмерности» в научно-технической методологии и политике и фактически формальное следование ему в настоящее время; 2) разрушение техногенной цивилизацией исторически сложившихся культурных, религиозных, аксиологических основ бытия сознания без предложения иных оснований, отвечающих его феноменологическому статусу; 3) доминирование установок физикализма, «вульгарного техноцентризма», элиминирующих ценности экзистенциальных атрибутов сознания; 4) технологизация когнитивных процессов функционирования сознания, определенная не только техногенным характером социального мира (информационной коммуникацией и т.п.), но и универсальным «встраиванием» принципов технической деятельности в когнитивную систему человека.

Данные факторы формируют следующие тенденции кризиса сознания:

- угнетение познавательно-критической (аналитической) функции сознания в связи с доминантой ценности «готового интеллектуального продукта», выработанного неким обобщенным когнитивным субъектом;
- парадоксальное взаимодействие сознания с бессознательным: это выражается, с одной стороны, в гиперрациональности (утилитарности), доминировании сциентистских установок, а с другой, в ценности мифологического, паранаучного (ярким примером будет человек, признающий научную картину мира и при этом стоящий несколько часов в очереди для поклонения «святым мощам»);
- дисфункция механизмов взаимодействия индивидуальной и социальной памяти, выражающаяся в актуализации и аксиологизации в сознании человека той информации, которая распространяется в СМИ;
- объективация, десубъективация сознания человека, обусловленная девальвацией критически-аналитических функций сознания, аксиологизацией массового, утилитарного;
- доминирование в сознании таких деструктивных образов, как «потребитель» (взамен актора, создателя), «отчужденный человек», «виртуальный герой» (в связи с идентификацией с ролью в виртуальной информационной среде).

При всем этом отметим, что все перечисленные выше явления и тенденции кризиса сознания не стоит рассматривать с точки зрения крайнего «трансгуманистического пессимизма», которая, увы, сегодня чрезвычайно распространена. Необходимо преодолеть пессимизм критиков техногенной цивилизации в том смысле, что осознание кризисных явлений, вызванных технологизацией, факторов их возникновения и тенденций проявления, позволит выработать более конструктивную позицию в отношении будущего человеческой цивилизации. Соответственно, основной потенциал преодоления техногенного кризиса сознания заключается не в абсурдных призывах остановить научно-технический прогресс,

а в наполнении развития цивилизации экзистенциальными ценностями и конструктивными смыслами, но для этого необходимо преодолеть утилитарно-потребительскую установку, доминирующую как в сознании элит, так и в сознании обывателя. Именно эта сверхзадача и актуализирует значимость социогуманитарных наук, их эпистемологического и социально-аксиологического потенциала.

Ссылки – References in Russian

Аршинов, Буданов, Москалев и др. 2015 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г., Москалев И.Е.* ... Социо-антропологические измерения конвергентных технологий: методологические аспекты. Курск: Университетская книга, 2015.

Дубровский 2003 – *Дубровский Д.И.* Новая реальность: человек и компьютер // Полигнозис. 2003. № 3. С. 20–32.

Касавин 2013 – *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.

Храпов 2012 – *Храпов С.А.* Проблемы когнитивной безопасности человека в условиях высокотехнологичного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань: Астраханский университет, 2012. № 3. С. 184–190.

Храпов 2014 – *Храпов С.А.* Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66–75.

Федотова, Колпаков, Федотова 2008 – *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.

Юдин 2012 – *Юдин Б.Г.* Социальные технологии, их производство и потребление // Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий. Под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2012. С. 48–63.

Юдин 2016^a – *Юдин Б.Г.* Технонаука и "улучшение" человека // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2 (48). С. 18–27.

Юдин 2016^b – *Юдин Б.Г.* Человек в контурах технонауки. Комментируя комментарии // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2 (48). С. 54–58.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 1. P. 88–95

Crisis of Consciousness: ‘Cognitive Response’ Technological Civilization*

Sergei A. Khrapov

In modern socio-humanitarian discourse the problems of industrial civilization are one of the most discussed, prompting the specialists of different directions from psycholinguists philosophers to seek answers to questions about the phenomenon of technology, its ontological status, the impact of new technical means for society and man. At the same time, it is unlikely that anyone will dare to claim that all these issues are successfully understood and resolved. This article also does not claim to universal knowledge, it only presents a modest attempt to clarify one aspect of the whole complex of man-made problems. We will talk about consciousness and its reactions on the man-made world. At the same time, we want to point out that we do not pursue here the task of re – discussing the nature of consciousness, its phenomenological and ontological status, approaches to its interpretation-this is a separate topic, which is devoted to the mass of works of brilliant thinkers, we will turn to them as necessary. The main question of interest to us in this article is the problem of determining the processes of correlation, interaction of human consciousness and technogenic civilization, the establishment of factors and trends of its crisis state. The crisis of consciousness is comprehended in the broad context of socio-cultural changes, taking into account new modes of human existence, value and identification transformations. The author relies on numerous foreign and domestic studies in the field of philosophy and related disciplines, and comes to a number of conclusions about the essence of the crisis phenomena of consciousness, their technogenic factors and development trends.

* The article is financially supported by the RFBR, project No 18-011-00095A titled “Technogenic Human: cognitive, sociocultural and virtual aspect of forming”.

KEY WORDS: consciousness, crisis of consciousness, technogenic civilization, cognitive response, culture, society.

KHRAPOV Sergei A. – DSc in Philosophy, professor of Astrakhan state university. Astrakhan.

khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Received at 31 March 2018

Citation: Khrapov, Sergei A. (2019) “Crisis of Consciousness: ‘Cognitive Response’ Technological Civilization”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 88–95.

DOI: 10.31857/S004287440003623-0

References

Arshinov, Vladimir I., Budanov, Vladimir G., Moskalev, Igor E. et al. (2015) *Socio-anthropological measurements of convergent technologies: methodological aspects*, University book Publ., Kursk (in Russian).

Dennett, Daniel (2005) *Sweet dreams: Philosophical obstacles to a science of consciousness*, Cambridge University Press.

Dubrovskii, David I. (2003) “A new reality: man and computer”, *Polygnosis*, № 3, pp. 20–32 (in Russian).

Fedotova, Valentina G., Kolpakov, Vladimir A., Fedotova, Nadezhda N. (2008) *Global capitalism: the three great transformations*, The Cultural Revolution Publ., Moscow (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2013) *Social epistemology. Fundamental and applied problems*, Alfa-M Publ., Moscow (in Russian).

Khrapov, Sergei A. (2012) “Problems of human cognitive security in a high-tech society”, *Caspian region: politics, economy, culture*, No. 3, Astrakhan University Publishing House, Astrakhan, pp. 184–190 (in Russian).

Khrapov, Sergei A. (2014) “Technogenic human: problems of socio-cultural ontologization”, *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2014), pp. 66–75 (in Russian).

Kryuchkova, Svetlana, Khrapov, Sergei, Mironova, Julia, Tyrnova, Natalya, Leonova, Olga (2017) “The Russian Public Consciousness Metamorphoses in Conditions of Technogenic Sociocultural Reality”, *Journal of History Culture and Art Research*, 6 (4), pp. 1365–1373 (in Turkey).

Searle, John (1988) *Intentionality: An essay in the philosophy of mind*, Cambridge University Press.

Yudin, Boris G. (2012) “Social technologies, their production and consumption”, *Society. Technique. Science. On the way to the theory of social technologies*, ed. by I. Kasavin, Alfa-M, Moscow, pp. 48–63 (in Russian).

Yudin, Boris G. (2016^a) “Technoscience and ‘Human Enhancement’”, *Epistemology and philosophy of science*, Vol. 48, No 2, pp. 18–27 (in Russian).

Yudin, Boris G. (2016^b) “A Man within the Frame of Technoscience. Reply to Critics”, *Epistemology and philosophy of science*, Vol. 48, No 2, pp. 54–58 (in Russian).